

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ В. ФЕДОРКОВА «НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ»

(ПО МАТЕРИАЛАМ РО ИРЛИ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН)

Публикация и комментарии М. В. Рейли

В хранилище Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — РО ИРЛИ) нами была обнаружена коллекция фольклорно-этнографических материалов, записанных сельским учителем из Заонежья, воспитанником Петрозаводской учительской семинарии, Василием Федорковым в 1915—1923 гг. В это собрание входят песни (№ 1—6, зап. в 1916 и 1923 гг.); альбомные стихи (№ 7—8 листов); 96 частушек (№ 8); копия выписки из рукописи «Из уложения 1649 г. Алексея Михайловича о разбойных и татии делах», сделанная В. Федорковым 28 декабря 1916 г. (№ 9); заговоры (№ 10—16); сказки (№ 17—26, 1916 г.); план д. Тарасы, Заонежье, 1902 г. (№ 27); 4 ученические тетради, озаглавленные «На рыбной ловле» 1915—1917 гг. (№ 28—31); олонецкие суеверия (№ 32: «О том, как моя тетка видела черта»); анекдоты и др. (№ 33); I. Краткое повествование о развитии грамотности в районе Узкинской ц<ерковно>-пр<иходской> школы, II. Летопись Узкинской ц<ерковно>-пр<иходской> школы (№ 34); записки В. Федоркова (№ 35); добавочные записки В. Федоркова (№ 36—38); материалы по вопросам религии, собранные В. Федорковым (№ 40—44);¹ «стишки» (№ 45—46).

Для публикации использованы фольклорно-этнографические заметки В. Федоркова «На рыбной ловле» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 73, п. 1, № 27—32), которые представляют собой, по-видимому, дневник собирателя, и заключены в пяти ученических тетрадях по

¹ № 39 в собрании отсутствует.

12 листов каждая. Три тетради, судя по характеру записей, перечеркнутых карандашом, содержат черновые или полевые материалы, а четвертая представляется перебеленной рукописью, прошедшей литературную обработку.

Записки интересны тем, что содержат ценные наблюдения о быте и верованиях крестьянского населения Заонежья начала прошлого века еще дореволюционного периода. Несмотря на литературный стиль повествования, заметки В. Федоркова сохраняют своеобразие и самобытность крестьянской речи, так как большая их часть представлена в виде диалогов собирателя с деревенскими жителями.

ИЗ ОЛОНЕЦКИХ ПРЕДАНИЙ И СУЕВЕРИЙ. НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ

Василий Федорков.

Воспитанник Петрозаводской Учит. семинарии.

[Ч а с т ь]

В одно прекрасное летнее утро в начале августа пришел ко мне товарищ Федя <...> и сказал, что они сегодня с дядей Тимофеем едут ловить рыбу. <...> Я <...> побежал к дяде Тимофею, <...> а он сидит в углу, чинит сети. «Здравствуй, — говорю, — дядя Тимофей!» — «Здравствуй, здравствуй, (нос красный)!² Садись да хвастай!» — «Нечем хвастать, дядя Тимофей: нового ничего не знаю, а вот слышал я, что Вы с Федей едете сегодня рыбу ловить, так вот к тебе с просьбой пришел: возьми меня на ловлю». — «Ну, поедем, — только поскорее справляйся. <...> Смотри, скорее одевайся, некогда тут канительиться», — крикнул мне вслед дядя Тимофей, (когда я уже подходил к двери).³ Дома я наскоро оделся и пошел к Феде. <...>. Мы решили с ним <...>⁴ таскать в лодку свои и его запасы <...>, т<ак> к<ак> мы выезжали из дому, «если пощасливить», по выражению дяди Тимофея, на несколько дней.

² В скобках — вычеркнуто карандашом.

³ В скобках — вычеркнуто карандашом.

⁴ Две предыдущие фразы в рукописи переставлены местами.

И ч а с т ь

[Дядя Тимофей]⁵ <...> был мужчина лет 56-ти, участник последней (до 2-й отечественной) русско-турецкой войны⁶ <18>77 и <18>78 года. Роста он был среднего, с курчавыми и черными, как смоль, волосами и с небольшой горбинкой на носу. Высокий лоб его и лицо были покрыты глубокими морщинами, которые терялись в густой рыжей бороде с проседью. Глубокие, пронизательные, по временам грустные и задумчивые глаза и вообще все лицо его доказывало, что немало пришлось ему, бедняге, пережить горя на своем веку. (В молодости его телосложение не имело никаких недостатков, но под старость, уже после военной службы, у него, наверно, от трудной крестьянской работы, образовался горб).⁷ Раньше у него были жена и дети, но все они перемерли <...>.

После смерти жены он бросил крестьянство, принялся за рыболовство и с тех пор не бросает этого любимого⁸ промысла. Да и по нем этот промысел — работа не трудная,⁹ а выгодная: у себя почти всегда харч на столе, а излишек продает, а на вырученные деньги и покупает хлеб и «церемонию» (чай, сахар, закуску и проч.), по выражению его самого. Круглый год он находится на озере: летом с удочкой и сетями, весной с «мережками» (рыболовные снасти), а зимой — с одной¹⁰ удочкой. Бывало, оденет на себя свой длинный тулуп [с красными заплатами, пришитыми им самим], подпоясется красным [длинным] кушаком, топор за пояс заткнет, а корзинку через плечо на коротком удилище, и идет на лыжах на середину озера, как будто по команде, мерным солдатским шагом. Там у него есть уже заранее приготовленные проруби (он посещает их почти каждый день), к которым подсадет, бывало, и целыми днями просиживает у них на корзинке. <...> Мне приходилось несколько раз побывать с ним на рыбной ловле. Одну из таких поездок я и постараюсь <...> описать.

ИИ ч а с т ь

Мы с товарищем живо собрали в лодку свои припасы и пошли к дяде Тимофею. <...> Только собрались идти в лодку, вдруг дверь открывается и входит к нему неожиданный гость — сосед

⁵ Зачеркнуто, исправлено сверху на «экспедиции». Здесь и далее в квадратных скобках восстановлен зачеркнутый автором текст.

⁶ Зачеркнуто, исправлено сверху на «кампании».

⁷ В скобках — вычеркнуто карандашом.

⁸ Слово вставлено сверху карандашом.

⁹ Слово вставлено сверху карандашом.

¹⁰ Слово вставлено сверху карандашом.

Иван Михайлович, и говорит: «Дядя Тимофей, дай, пожалуйста, займы рублей 5-ть до понедельника. Повестка от брата с Питера пришла на 15 рублей, да деньги не получены, — в понедельник схожу на почту, получу и отдам. Теперь деньги до зарезу нужны». — «Куда ж тебе с деньгами-то теперь, или молодуху отправил в гости, так кутнуть вздумал?» — спросил дядя Тимофей <...>. — «Какое кутнуть, не до кутежа теперь: 3-й день телка болеет. Молодуху-то я справил за Малахой в Бор. Говорят, что она хорошо ладит насчет эвтово. Вот сегодня молодуха привела Малашку, да ведь та с пустыми-то руками не станет, пожалуй, приниматься за такое дело. Ведь сухая ложка рот дерет, как сказывают старые люди, — тоже нужно сунуть немножко чего-нибудь, тогда и возьмется, а то, не дай Бог, хуже чего бы не сделала, подлая. Ведь она, окаянная, с бесами знает. Ей — что, только слово сказать — и готово». — «Так-то так, да ведь мы-то на дело отправляемся. Не мог вчера-то спросить». — «Ну, прости, дядя Тимофей, а я и ни к чему, што вы на дело отправляетесь. Если бы знал, разве пошел бы».

На суровом выражении лица дяди Тимофея можно было прочесть, что он был не доволен визитом соседа перед «началом дела». Мне хотелось узнать от него подробности этой приметы <...>. Наконец, не выдержал и спросил. «Эх, ребята, ребята. Мало вы еще жили на сем свете. Поживете — узнаете. Опыт покажет вам, что не во время гость — хуже татарина», — ответил дядя Тимофей на мой вопрос. <...> «На, возьми», — сказал дядя Тимофей с горестью, подавая деньги Ивану Михайловичу. Последний поблагодарил дядю Тимофея и с радостью побежал домой. Дядя Тимофей взял сети через плечо, а Федя его удочки, и мы пошли на берег. Только зашли в лодку, дядя Тимофей вспомнил, сожалея: «А парус-то мы и забыли дома. Назад, может быть, «пóветерь завьет». Федя, сходи на сарай, он там на балке висит, так принеси». Федя живо исполнил его приказание. <...> Дядя Тимофей важно уселся в корму, взял в руки руль-весло и занял высоким тенором старинную песню:

«Высоко звезда расходится,
Широко звезда разливается:
Выше лесу, выше темного;
Выше садику зеленого,
Выше ворот, выше царских.
Тут стояла темна темница,
Темна темница, злодейка-заключевница,
А во этой темной темнице
Был засажен добрый молодец,
Добрый молодец — донской казак.
Он с по темнице похаживал,
Табаку трубку накладывал,

Накладывал, закуривал,
В окошечко поглядывал,
В решетчато посматривал.
Случилось царю-то мимо ехати,
Мимо эту-эту темну темницу,
Темну темницу — злодейку-зключевницу:
«Уж ты, царь мой государь-батюшка,
Прикажи меня поить-кормить,
Поить-кормить — на волю выпустить.
Если ты меня на волюшку не выпустишь,
Напишу я письмо-грамотку
Ко родителю ко батюшку,
Ко родимой ко матушке,
Ко братцам ясным соколам,
Ко сестрицам белым лебедям,
Они твое царство огнем сожгут,
Твоих воинов всех перебьют,
А Тебя самого в полон возьмут».

Старческий голос его дрожал и придавал еще больше красоты грустной его мелодии. <...>

IV ч а с т ь

«Да, прошли времена», — сказал дядя Тимофей, окончив песню. — «Старость одолела, — продолжал он с грустной улыбкой на лице. — Бывало, как в солдатах мы певали эту песню, так любо было слушать. [Полковой] командир, [как услышит, так] и тот, бывало, похвалит да еще и на водку иножды даже пожалует синенькую. Добрая душа был, — дай ему, Господи, царствие небесное (убит в японскую кампанию). В наш полк его в „Питери“ тогда назначили, и, с тих пор, он больше не расставался с нами до конца кампании. Лучше отца родного был». <...>

«Дядя Тимофей, а долго ли вы в Петрограде тогда жили», — спросил Федя. — <...> «Считай сам, с Благовещенья и до вешнего Миколы». — «<...> Ну, а как тебе понравился Петроград или нет?» — «Ну, как может не пондравиться такой город. Какие дома, какие памятники, везде богачество какое да расхожество. Так бы и жил там. <...> Одны памятники чего стоят. Вот хоть взять Петровского, што близ Исакия, где Петр Великий на коне едет, а вокруг ноги коня змея обвилась». <...> «<...> Дядя Тимофей, отчего это змея вокруг ног коня обвилась?» — спросил Федя. — «Да разно¹¹ рассказывают об этом.¹² Я-то слышал так.

¹¹ Поверх слова карандашом «всяко-яко».

¹² Поверх карандашом «эфтом».

Когда Петр Великий окончил войну со шведом и ввел в Россию иностранные¹³ порядки, то стал сравнивать себя с Богом; говорит: „Нет ничего невозможного на свете, — все может победить человеческий разум“. А шут-то Балакирев услышал это;¹⁴ подошел к нему да и говорит: „Как это так, што ничего на свете нет невозможного? А ну-ка перескочи¹⁵ на лошади через Неву!“ Петр Великий, недолго думая, приказал оседлать своего <...> рысака и перескочил¹⁶ на ём через Неву два раза. Только хотел перескочить в третий раз, вдруг пришло ему в голову сказать: „Все мое да Богово“. Это нужно так понимать, што вся земля „в моей да Боговой власти“. Разъехался он на коне в третий раз и только хотел вот с этого самого камня, што памятник на котором стоит, перескочить через Неву, вдруг змея-то обвилась вокруг ног лошади,¹⁷ да [конь] и остановился так, „на дыбах“, как на памятнике стоит. Если бы Петр сказал, што все Богово да мое, так перескочил бы и в третий раз, а то он захотел быть выше Бога — „мое“ поставил впереди, — да Бог и не допустил <третье>го-то раза перескочить.¹⁸ Ну, вот как он остановился на камне, такой и памятник ему поставили».

«Дядя Тимофей, кто же это тебе рассказывал?» — [спросил Федя]. — «Покойный дедушка, царство ему небесное. Любитель был рассказывать. Бывало, как сядет куда-нибудь на „дубравку“, а кругом его соберутся все „суседи да суседки“, а он им и рассказывает про старину-матушку, а те развесят, бывало, уши, да и слушают. Много кое-чего знал. А особливо о Петре Первом. Петра-то он на десятое небо превозносил. Да и есть за что: эх, человек-от был, редкостный человек! Недаром Великим его прозвали. А простоты-то что в нем было, хоть отбавляй — с каждым мужиком поговорит, бывало. А ума — палата. За словом в карман не полезет. Судил всех по правде — хоть сам енерал быть, а если виноват — разжалует. Много таких случаев было вот хоть взять, например, таковой. Приезжает один раз Петр Великий в Александро-Свирскую обитель. В это время там обедню игумен служил, а после обедни проповедь стал говорить. Петр простоял обедню и прослушал проповедь. Проповедь-то игумена хорошо сказана. Увидел Петр, что игумен умно рассуждает. „Дай-ка, — думает, — загадаю ему три загадки. Если отгадает, — сделаю архиереем“. Подозвал к себе и говорит: „Хорошо, отец игумен, ты проповедь говоришь, молодчина! А теперь вот

¹³ Поверх карандашом «иноземные».

¹⁴ Поверх карандашом «эвто».

¹⁵ Поверх карандашом «перескакни».

¹⁶ Поверх карандашом «перескакнул».

¹⁷ Поверх карандашом «коня».

¹⁸ Поверх карандашом «перескакнуть».

слушай — задам тебе три загадки. Если решишь, то я тебя сделаю архиереем. 1-я: сколько звезд на небе? 2-я: что я стою? 3-я: что я думаю? Сроку тебе думать даю 3 дня“. Испугался игумен: „Што будет, если я не отгадаю. Вот на беду-то попал. Не было печали, да черти накачали. Пойду, думает, посоветуюсь с мельником. Может быть, тот поможет“. А мельник-от был тоже человек не без ума. Он жил на угодьях монастырских за кортому.¹⁹ Пришел игумен к нему, рассказал о всем подробно и говорит: „Помоги, дружище, я тебя впишу в поминальную книжку за эфто. Уж ты только не оставь“. Мельник живо смекнул, в чем дело, и говорит: „Давай мне твой подрясник. Я одену его на себя и на все загадки Петру дам ответ“. Игумен согласился и отдал свой подрясник мельнику, а сам оделся мельником. На третий день является мельник в подряснике игумена к Петру Великому. Петр Великий и говорит ему: „Ну што, о. игумен, отгадал загадки?“ — „Отгадал. Звезд на небе столько же, сколько волосинок на правом боку у коровы“. — „А сколько волосинок у коровы на правом боку?“ — спросил Петр. — „2 миллиарда 658 тысяч“, — ответил мельник. — „А ты не врешь, о. игумен?“ — „А если ты, государь, мне не веришь, то изволь сосчитать сам“. — „Молодец. Ну, а сколько я стою?“ — „И<исуса> Х<риста> Иудя продал за 30 серебрянников, так ты, Государь, хоть на один серебрянник да меньше стоишь И<исуса> <Христа>, а именно 29 серебр<енников>“. — „Ну, а что я думаю?“ — „Вы думаете, Государь, што я игумен, но ты ошибаешься — я мельник, только подрясник игумена на мне“. Удивился Государь находчивости мельника и говорит ему: „С сегодняшнего дня ты будешь игуменом, а игумен — мельником“. Прошло несколько лет после эфтово случая. Спомнил Петр Великий этого игумена и велел позвать его к себе. У Петра Великого в то время был сын лет так около 5-ти. Игумен, приехавши во дворец к Петру, первым делом взял на руки мальчика и сказал: „Милосердный Боже, благодарю Тебя: Симеону Бессмертному Ты сподобил принять на руки И<исуса> Х<риста>, а мне — Великого наследника России. Теперь я могу спокойно умереть. Пондравились такие слова Петру Великому, и он сделал его архиереем. На поезде Государыня у этого архиерея спросила: „Когда ты, от. игумен в следующий раз пожалуешь к нам?“ А он и ответил: „Когда Царица Небесная внушит царицы земной позвать меня, я готов“. Услышав эти слова, Петр Великий еще больше полюбил эфтогво мельника и оставил его при своем дворе).

«А хорошо башка-то варила у мельника», — добавил Федя, когда дядя Тимофей кончил. — «Наверно, не отрепами была набита, потому и варила хорошо. У игумена как отрепами была набита, Петр и сделал его мельником. Был бы у него ум, так не

¹⁹ За плату. — Пояснение В. Федоркова.

отдал бы подрысника мельнику. Поделом ему за эфто и чин сбавить». — «Дядя Тимофей, а как бывший-то игумен попал в игумены или так мельником и остался?» — спросил Федя. — «Года два был мельником, — ответил дядя Тимофей, — а потом опять как-то затесался в игумены. А мельник так и остался при царском дворе». <...>

«Дядя Тимофей, не слыхал ли ты что-нибудь от него²⁰ про обельных крестьян?

<...> Почему же они называются „обельными“?» — «(Да говорят),²¹ што когда Марфа, мать Мих<аила> Федоровича, ехала в Толвую, у некоторых крестьян стояла.²² Когда Михаил Федорович поступил царем, простил (им подать)²³ „навечно“. Эти-то „крестьяна“ и называются „обельными“».

«Дядя Тимофей, а я так иначе слыхал об этом, — [перебил Федя дядю Тимофея]. Из Петрограда в прошлом году мне пришлось ехать зимой на лошадах. (Нам пришлось стоять в деревне...)²⁴ <...> Зашел как-то разговор про этих обельных крестьян. Извозчик-то у нас был молодой — [кровь с молоком] — разговорный парень, <...> [не будь дурак, да и] спросил у хозяина, почему эти крестьяне так называются. Хозяин ему объяснил это так: говорит, у Петра Великого нога сильно болела, так какие-то мужики ходили лизать [его] больную ногу <...>. У Петра нога и поправилась. За это он хотел наградить мужиков деньгами, но мужики денег не взяли; тогда Петр Великий наделил их самой лучшей землей и освободил от оброков. [С той поры они жили обельно]».

«Может ли быть это», — сказал дядя Тимофей, когда Федя окончил. — «Я-таки думаю, што после Михаила Федоровича образовались обельные „крестьяна“. Никто достоверно об этом не знает. Старые-то люди правду говорили, а на теперешних молодых людей нельзя положиться. Скажешь им слово, а они прибавят десять, да и пойдут потом врать, один другому, другой третьему, и так без конца. А стариков-то много ли теперь есть: на сотню один-два, да, пожалуй, и то не во всяком месте. Теперь народ правду дьяволу продал. Ну да ладно, — не нам об этом судить; есть люди поумнее нас. Наше дело сторона. А вот лучше давайте-ка „прокаляжим“²⁵ здесь, у „Язихи“. (Название ручья, впа-

²⁰ Поверх карандашом «деда».

²¹ Текст в скобках (скобки наши — *М. Р.*) зачеркнут и заменен на «Он так объяснял».

²² Поверх карандашом «останавливалась на обед и на ночлег».

²³ Поверх текста в скобках (скобки наши — *М. Р.*) карандашом «тем крестьянам оброки».

²⁴ Поверх текста в скобках (скобки наши — *М. Р.*) карандашом «Остановились мы в одной деревне на ночлег».

²⁵ *Каляжить* — запустить рыболовную сеть вокруг какого-нибудь участка воды и гнать рыбу в нее (в сеть) из середины. Удобным из

дающего в заливчик озера.) Тут рыбное место». Сказав это, дядя Тимофей направил лодку к маленькой скале, которая виднелась на другой стороне озера. <...> (Подъехав к берегу, мы)²⁶ запустили сеть вокруг устья ручья. Дядя Тимофей взял в руки длинную палку, на кончике которой был воткнут деревянный кружок (это орудие местные крестьяне называют «тарбало») и стал им гнать рыбу, сначала из речки а потом от берега — из участка, обнесенного сетью. <...> У подножия скалы лежали обгоревшие бревна, которыми кожевники на скале «калили золу», а после употребления их скатывали вниз. На другой стороне речки, на самом берегу [озера] стоял больш[ой] ивовый куст. Густые ветки его свесились в воду.

«Тут, под ивовым кустом, наверно, есть щуки. Это любимое „ихное“ место», — сказал дядя Тимофей и ткнул в воду перед кустом своей палкой. — «Так оно и есть, — продолжал дядя Тимофей, — вон две небольшие щучки побежали от куста. Теперь поезжайте к концу сетки, — пора тянуть». Вскоре мы вытащили сеть из воды и поехали дальше. Дядя Тимофей с сияющей радостной улыбкой на лице стал перебирать сети и снимать рыбу из них. «Ну, слава Богу, — почин дороже денег», — сказал он, положив в корзинку отпуганную первую рыбку.

<...> Вдруг на гладкой поверхности воды показалась небольшая точка, а от берега до точки в ту и другую сторону расходились мелкие волны. <...> [Дядя Тимофей] пристально устремил свой взгляд по направлению к точке и утвердительно проговорил: «Да это гад плывет по воды». — «Интересно, — я еще никогда не видел. Как же он плывет?» — спросил Федя у дяди Тимофея. — «Да как бы тебе сказать — не соврать? <...> Когда он плывет, держит во рту таинственную траву, которую зовут „разрыв-травой“. Эта трава имеет особенное свойство. Если добыть ее и положить в порезанную ранку в руку, а потом заростить там, тогда можно этой рукой ломать замки, машины и все железные предметы,²⁷ которые захочет человек. Только стоит ударить тем кулаком о железный предмет,²⁸ и предмет²⁹ сразу ломается. Вот есть пожня у стай³⁰ за озером — против нашей деревни, так, как вы думаете, — из-за „разрыв-травы“ запустошена.³¹ Совсем на гладком месте косы

участков является залив. Таким способом принято ловить особенно в Петрозаводском и Повенецком уездах. — Пояснение В. Федоркова.

²⁶ Поверх текста в скобках (скобки наши. — М. Р.) карандашом: «Мы подъехали к берегу и».

²⁷ Поверх карандашом «вещи».

²⁸ Поверх карандашом «железную вещь».

²⁹ Поверх карандашом «вещь».

³⁰ *Стаи* — постройки в стороне от деревни, большею частью за озером, куда крестьяне полагают скот на ночь. — Пояснение В. Федоркова.

³¹ *Запустили* — бросили. — Пояснение В. Федоркова.

ломаются. Нет на поже не кустышка, ни камешка, а все вот из-за ней, из-за разрыв-травы косы ломаются. Уж пробовали было отдавать и в часовню — Кузьмы да Демьяну эту пожню — ништо не помогает. В каждый год, бывало, как станут косить, обязательно штук пять-шесть кос сломают. Наконец, забросили. Так и стоит [теперь] пустая». — «Дядя Тимофей, что же тут не берут и не употребляют в дело разрыв-траву?» — «Да где ж ты ю найдешь-то? Ведь она сама не покажется. А так ей никто не знает».

«Дядя Тимофей, а что будет, если мы будем на воде колотить веслом змею?» — «Нет, Боже упаси! — отвечал дядя Тимофей. — Она тут „разсердится“, так всех нас заклюет.³² На воды она сильнó зла!» <...> — «Было много таких случаев, — [продолжал дядя Тимофей], — взять, в пример хоть Афоньку Косого, что старой Коргой прозывался, от эфтого смерть получил. Таким манером (образом) раздражил ею на воды, а она и бац ему прямо в лодку, вскочила на шею да и „жог!“ ему прямо в грудь, в самое сердечко, в левый бочек, — тут, сказывают, дохтура, у человека сердце. Он так назад и повалился, как сноп, а она спрыгнула опять в воду, да нет, брат, шалишь! Возившись с Афонькой, разрыв-то траву затеряла, а без ней и сама прямо ко дну. Да, брат, дружки, как разозлить ею, окаянную, на воды — дело бедовое! Вот и на сухом месте тоже не угодишь — так беда! С ними обходиться — надо быть умным, а то она живо, окаянная, — того! И убивать-то её нужно знать, каким деревом. А не знавши этого беду залучишь (получишь)».

«Дядя Тимофей, каким же деревом надо убивать змею?» — спросил Федя <...>. — «Это первым делом надо знать человеку. Без этого нельзя», — ответил дядя Тимофей. — «Змею нужно убивать всегда ольховой палкой», — продолжал открыисто дядя Тимофей, принимая позу старинного учителя-самоучки. — «Дядя Тимофей, а почему же не осиною или березой, а непременно ольхой?» — спросил снова Федя. — «А потому ольхой, — отвечал дядя Тимофей, — что ольха — святое дерево. Осиною да березой ни под каким видом нельзя, потому они прокляты самим Иисусом Христом. Вот послушайте, я расскажу вам случай с Микулкой, что Горбатым прозывался. Поехал он однажды в поле пахать яровое. День-то выпал красивый такой, веселый. Так душа и радуется, как вспомнишь этот день. Бывает, как заскачет, заскачет солнышко-то с утра самого — как будто в Пасху, когда радуется, что Христос Воскресе. Оно, говорят, скачет только с радости или перед бедой. Уж, верно, оно предчувствовало, беду-то Микулкину. Я увидел, что оно скачет, да и говорю соседу-то: „Не перед добрым солнцем-то скачет“, — а он и отвечает: „А брось ты лучше думать-то о пустом“. Я ему больше

³² Ужалит. — Пояснение В. Федоркова.

слова не сказал, а оно вышло — правда. Выехал Микулка пахать. Пахал, пахал, вдруг заметил, что лошадь, подходя к сопке, стала беситься. Он ю кнутом стеганул, а она на ответ ему задними ногами, да на дыбы и стала. Што угодно-то делай, нейдет дальше — хоть убей! „Наверно, утром, когда я поехал пахать, — подумал Микула, — так попавши навстречу старик из Соновца, порчу навел на коня“. Дело бедовое, да ничего не попишешь. Взял Микула, роспряг коня и отпустил. „Пущай, — думает, — поотдохнет — может, лучше будет пахать“. Только отпустил лошадь, обернулся к сопке, глядь, а на сопке гадище, пребольшущий такой. Да какой еще проклятый есть, — то не поверите, если сказать, с ногами, окаянный! А возле-то сопки осиновая палка лежала. Схватил Микула осиновою палку и давай ю этой палкой стегать. Только стеганул первый-то раз, — она как прискочит выше его головы да засвищет, будто Соловей-разбойник, страшно даже и подумать. Он ноги за спину и давай бежать, она, проклятая, за ним вслед да на ходу свищет, противная. Микулка бежал, бежал — никак не может уйти — змея тут как тут. Наконец, до того добежал, што дух захватило. „Дай, — думает, — остановлюсь“. Сказано — сделано: остановился. Вдруг змея ему на шею. Обвилась вокруг шеи три раза и смотрит ему прямо в глаза так злобно-злобно. Испугался бедный Микула, но делать было нечего. „Верно, Богом мне суждено так“, — сказал он и пошел домой. Рассказал обо всем подробно отцу и матери и решил ходить по монастырям да святым местам до тех пор, пока не избавится от своей спутницы. Долго ходил он по монастырям, много он сдержал сребра на свечи да молебны, ништо не помогает, ништо не действует на проклятую злодейку. Как только зайдет в Божью церковь, змея спрыгнет на паперти у входа и ждет его. Как только он выйдет из церкви, она и бац ему на шею! Случилось ему однажды побывать в церкви Троицкой (Лавре). После обедни подождал игумена и рассказал ему все по порядку. Тот пообещал избавить его от этой беды. Отслужив пред мощами св. Сергия молебен, дал ему крестик с образа пр<е>п<одобного> Сергия и благословил его им. Микула одел крестик и вышел из церкви. Змея хотела вскочить ему на шею и обожглась. Увидав на шее крест, отступила назад и с тех пор больше не подходила к нему. Обрадовался бедный Микулка, бегом домой подрал. 3 дня с радости пировали».

«Да правда ли это, дядя Тимофей, в ту ли дорогу ты заехал?» — «Ну как не в ту? Своими собственными глазами видел змею-то: длинная такая, два раза вокруг шеи обвившись была. С шестью ногами, дьявольское отродье. Глазища злющие-презлющие такие — страшно даже смотреть!»

«Дядя Тимофей, — перебил Федя его, — почему это говорят, что когда змея ужалит человека, то старается первая прыгнуть

на камень?» — «Этого нам нельзя знать, потому што Богом так положено. Это исстари так идет. Старые-то люди сказывали, што кто первый, человек или змея, прыгнет на камень, так тому опухоль не пристанет», — ответил дядя Тимофей. (Разговаривая таким образом, мы и не заметили, как приехали на предназначенное место)³³ — в залив или «Судакову губу». <...> Запустив сети, мы подъехали к хвойнику и, запустив камень, служивший якорем, принялись за ужение рыбы.

«Ну, ребята, — предварительно заявил нам дядя Тимофей, — теперь, чур, не разговаривать, — рыба шороху боится. Она всякие звуки слышит». <...> Мы долго сидели на одном месте с удочками в руках. Ближе к полудню рыба почти совсем перестала попадать.

«Не пора ли нам, ребята, на обед ехать? Што-то рыба пообклевалась. Да, здорово мы ю накормили. Пойдемте на мельницу», — проговорил дядя Тимофей и, вытащив камень из воды, сел на свое обычное место. Взявшись за весло, он направил лодку прямо к мельницам. <...> Возле каждой из них были маленькие избушки, которые служили квартирой для мельников и гостиницей для приезжающих. <...> Весь в муке, седенький мельник стоял возле мельницы. Глубокие серые глаза его, смотревшие из-под густых седых бровей, как будто окна из-под соломенной крыши, были очень яркие. Дядя Тимофей подошел к нему и, вежливо раскланявшись с ним, попросился расположиться у него на обед в избушке. Последний с радостью позволил, и мы через несколько времени чувствовали себя, как дома. Товарищ разложил огонь на плите.³⁴ В это время дядя Тимофей приготовил рыбу и, положив в котел, повесил на огонь, а сам прилег в угол избушки, застланной сеном, который служил мельнику спальней. Печка в избушке была черная. Такие печки сохранились еще в Олонии не только в мельничных избушках, но даже и в деревнях. Вместо настоящей трубы в потолке было сделано отверстие. Дым не успевал уходить в это отверстие, так оно было очень маленькое, и накаплился вверху под потолком. Потолок был покрыт толстым слоем дымовых осадков. В переднем углу, на полочке, стоял старинный образ, почерневший от дыма и переколотый. Половинки его чуть-чуть держались на перекладине. Под иконой стоял столик, предназначенный для нескольких человек. По обеим сторонам столика стояли скамейки. У одной из них вместо ножек были поставлены необтесанные сосновые чурбаны. Хотя избушка была и новая, но пол был сколочен из старых половиц. Древесина в половицах была истоптана, а сердцевина и сучки

³³ Текст в скобках (скобки наши. — М. Р.) вымаран карандашом.

³⁴ В старых печах то место, где разжигают огонь для варки пищи, принято называть жараткой или огнестком. — Пояснение В. Федоркова.

торчали вверх и придавали ему своеобразный вид. Хотя все это и служило препятствием при ходьбе, но никто большого внимания не обращал, во-первых, потому, что привыкли, а во-вторых, у всех существует убеждение, что в лесных избушках «никто и видит».³⁵ Повыше окон были небольшие, топорной работы, полочки, еще выше — толстые балки. На них поперек были положены доски. В свободное время мельник делал деревянную посуду. В настоящее же время весь этот материал, почерневший от дыма, обсыхал. <...> Федя притащил с улицы толстый чурбан и, поставив его возле печки, уселся на него следить за огнем. Тут мне пришло на мысль спросить у дяди Тимофея, почему называется Судаковой губой тот залив, в котором мы ловили рыбу.

<...> — «Ну, ладно, так и быть расскажу. Досюль водилось в этой губы много судаков. Попадали они изрядно в невод и „киревод“.³⁶ Случилось однажды ловить тут киреводникам — Петру и Павлу. Запустили они свой киревод перед Силиным наволоком. В первый раз им попало пудов пятнадцать судаков. Им это пондравилось, и они запустили во второй раз, но вытащили пустой. Много раз после того запускали — там-сям, ан нигде не попадает. Кружились, кружились — пользы никакой нет, хоть все брось. Делать нечего, пришлось подождать, пока снова соберется рыба. Поехали наши ловцы на берег, на Силин наволок. В то время мельниц-то не было. Только расположились варить уху со свежих судаков, вдруг является к ним старушка и просит у них судаков на „варьку“. Ловцы отказали ей. Тогда старушка сказала: „Отныне и до веку не будет здесь судаков больше!“ (*Действительно, судаки перевелись.*) Как только старушка проговорила — и скрылась. Тут только ловцы догадались, что старушка была не простая, а Мать Божья,³⁷ и переглянулись. Им стало стыдно. Совесть мучила их. Петр стал рвать на себе волосы и тут же сошел с ума.³⁸ Стал бегать и кричать, што есть мочи. Второй, Павел, стал его унимать и хотел его захватить и связать, но только хотел встать, вдруг почувствовал: што нога не действует. Тут только он понял, што их Бог наказал <...> (и догадался, што нужно скорее домой пробираться).³⁹ Но, увы... как Петра заманить в лодку? Тот говорит все, что на ум взбрдет, бегаёт, кричит, песни поёт. Вдруг он пал на землю — в обморок. Павел

³⁵ Сверху вставлен текст: «Бары с города на мельницу не ездят».

³⁶ Киревод — рыболовная снасть, вроде невода. — Пояснение В. Федоркова.

³⁷ «Мать Божья» зачеркнуто, сверху написано: «Богом послана на испытание».

³⁸ Рехнулся ума. — Пояснение В. Федоркова.

³⁹ Текст в скобках зачеркнут, сверху написано: «Надо как-нибудь домой ехать».

спугался, но делать было нечего, не оставишь его тут. Кое-как затащил в лодку и повез его домой, а нога не действует. Ехать нужно было верст восемь. Кое-как доехал до дому, а из лодки вынести и не может, у него и другая нога стала, как бревно. Тут он стал кричать народ. Народ сбежался, вынесли его домой. Петр лежал, как мертвый, его тоже унесли домой, а дохтуров-то в то время не было, помощи ждать было неоткуда. Жена и ребятишки у Петра ревят во все горло. Весь народ собрался к Петру, но сделать ничего не могли.

Только одна старушка посоветовала обратиться за помощью к колдуньи Мавры, которая жила верст за сорок от них. Жена Петра послушала старуху и поехала к ней, а старушку, которая посоветовала ей это сделать, оставила хозяйничать и смотреть за ребятами и мужем. Народ весь хлынул к Павлу и стали его спрашивать, как и што с ними случилось. Тут Павел рассказал им все по порядку. На другой день поздно вечером жена Петра привезла Мавру. Та посмотрела сначала Петра, велела всем выйти из избы, поворожила чего-то над ним, а потом впустила народ и говорит, што на Петра нашел сон, который продолжается три дня.⁴⁰ Через три дня он, говорит, поправится. Жена Петра немного успокоилась, а Мавра посыпала немного каких-то порошков ему в нос, показывая вид колдуньи, и пошла к Павлу. Когда она узнала, што у Павла ноги отняло, взяла немного соли, велела всем уйти с избы, потом подошла к печки, повернулась к востоку лицом и стала што-то шептать в соль. Потом положила соль в стакан, залила водой, размешала кончиком ножики и дала выпить Павлу. Павел выпил. Сразу же у него ноги очистились и стали действовать. Обрадовался бедный Павел. Плакал даже от радости. Живо устроил пир для соседей, вином всех напоил, а старуху всем обдарил: и муки, и хлеба, и чаю, и сахару дал. Все были довольны. Через три дня Петр, как говорила Мавра, действительно очнулся, но с постели не мог выстать. Лежа, подзвал к себе детей, благословил их, потом сказал жены: „Жена, не забывай нищих. Прощай“, — и тут же Богу душу отдал. Ничего не посмел больше сказать, уж верно большие страсти он видел во сне-то», — закончил дядя Тимофей свой рассказ.

В то время, как дядя Тимофей говорил последние слова, вошел в избу сосед Наум Миха<йлович> — ржи молотъ на мельницу приехал. Это был мужчина лет шестидесяти с лишком и с длинной рыжей бородой на две стороны, с толстым носом и широким лбом. Лицо его было испещрено веснушками и красными пятнами. Морщинистый его высокий лоб показывал, что он был человек не без ума — недаром он слыл по всей деревне краснобаем. Как выражаются соседи, — за словом в карман не

⁴⁰ Наверное, летаргический. — Пояснение В. Федоркова.

полезет. Как только дядя Тимофей кончил свое предание, Наум Михайлович подклинил: «Да, действительно, это так было, мне покойничек дедушка рассказывал, бывало».

«А почему же это наволок, на котором Петр да Павел отдыхали, называется Силиным?» — спросил Федя у дяди Тимофея. — «Силиным? А Силиным он называется потому, што досюль на эвтом самом наволоке жил святитель Сила. Выстроил он тут себе келью, разделал поле и жил себе весь век один-одиношенок, даже и не ходил никуда». <...> — «Дядя Тимофей, где же святитель Сила похоронен?» — спросил Федя. — «А Бог его знает где. Наверно уж, на этом острове. Как ты думаешь, Наум Михайлович?» — «Да, пожалуй, што так. От стариков приходилось слышать, што иногда они святым называли этот наволок. Да если бы не был этот наволок святым, так разве показалась бы тут Божья Мать? Святые показываются на святых местах». — «Дядя Тимофей, может быть, эта старушка — привидение такое», — сказал Федя. — «Привидение-то, привидение, да святое. Такия-то привидения редко показываются». <...>⁴¹ — «Наум Михайлович, а тебе не приходилось ли видать какое-нибудь святое привидение?» — «Что ты, Тимофей Никитич, разве допустит Бог нас, грешных, до того, чтобы святые показались, — да мыслимо ли это? Скорее, бесеныш, так тот скорее покажется. Он того и гонит, как бы соблазнить человека на худое на каждом шагу. А ты про святых говоришь. Да сам ты посуди, братец, достойны ли мы того, чтобы святые показывались нам, как почти на каждом шагу грешим. Вот бесенка, так того приходилось видеть. У, какой страшный, шут⁴² его дери! Как вспомнишь, так волос дыбом и станет. Вот как вас вижу, так и его самого видел. Провались я на этом месте сквозь землю, если это неправда!». <...> — «Ну-ка, Расскажи, как ты его видел». — «Со всем бы удовольствием рассказал, да некогда; надо идти в С-ое,⁴³ там И. К. „оружье“ продает, так купить. Я обещал к нему сегодня притти <...>». — «Да куда тебе с оружием, Наум Михайлович?» — «Как это, куда с оружием? Да, как десять старух застрелю, так мне георгиевский крест выдадут в награду, за то, што они, дьявола, Государеву монету в землю копают». — «Ну а ты к ночи-то сюда приедешь?» — «Да, если не успеет Петр Степ<аныч> смолоть ржи, так придется. А пока — прощайте!» <...> Проговорив это, Наум Михайлович ушел. <...>

«Ну-ка, Федя, посмотри-ка, не готова ли уха», — сказал дядя Тимофей, когда Наум М<ихайлович> ушел. — «Пожалуй,

⁴¹ Далее текст из тетр. № 3: «продолжение. 1916 г. 29 янв.».

⁴² Сначала было написано «черт». — *М. Р.*

⁴³ С. — деревня за 3 версты от мельницы, прямо на запад. — Пояснение В. Федоркова.

готова, — ответил Федя, посмотрев. — Садитесь, обедайте». — «Федя, сходи, позови мельника на свежую уху». Федя живо исполнил приказание дяди. Мельник с радостью согласился принять участие в обеде и через несколько времени пришел вместе с Федей в избушку.

«Ну, как ты поживаешь, старина?» — спросил дядя Тимофей, когда мельник вошел в избушку. — «Живу, молодею, помереть не смею, ну, а как ты живешь?» — «Да, слава тебе, Господи, брожу еще. Хоть старость и ходит по косточкам, да от смерти-то все еще отдуваюсь. Што нового в вашем государстве?» — «Ничего не случилось, все старо по-старому. Садись-ка лучше с нами за компанию свежъя». — «Хорошо, покорно благодарю», — проговорил мельник, и, помолясь Богу, он сел под образ на лавочку. Его примеру последовали мы. За неимением посуды пришлось уху есть прямо из котелка.

«Ну, каково вы рыбку ловите?» — «Да ничего, пока, слава Богу. Не знаю, што вперед будет. И теперь нечего Бога гневить, попадает порядочно. А все-таки, по сравнению со стариной, так меньше. Повыловили рыбку-то. Раньше бывало, так эк как попадало! А вот за последние семь лет все меньше и меньше. Не знаю вот в это 7-милетие будет ли, нет подниматься в гору. Я так слышал от старых людей, што первые семь лет рыба попадает плохо. А в следующее семилетие должна попадать хорошо. Это уж испокон веку так ведется. Я уж вот 5-й год наблюдаю, так все меньше и меньше попадает. Посмотрим, што будет дальше». — «Да, рыбаки все так верят. Здесь ведь, в Судачьей губе, какое раньше рыбное место было, а теперь совсем не то».

«Ну, а как поживает ваш рыбак Григорий Лукич? — спросил дядя Тимофей у мельника. — Говорили, што нездоров он был, так мне пришло в голову осведомиться о его здоровье. А жалко бедного старика, ведь он мне был друг и приятель». — «Да Богу душу отдал на днях, што его в пятницу хоронили». <...> — «А жалко бедного старика. А этот Григорий гостеприимный такой был — век его не забудешь. Ну, хоть ребята, слава Богу, большие — успели вытянуться при нем. Он ведь, кажется, смолоду охотой занимался. Я еще помню, когда охоту-то он бросил, а за рыболовство принялся. Да, до самой смеретушки бредил все о ловушках: „Как, мол, все ли в исправности“. Да спрашивал все — попадает ли рыба». — «Отчего же он охоту-то, слышь, бросил?» — спросил дядя Тимофей.

«Последний раз как ходил на охоту, так страсти большие видел, ну, вот, с тех пор и забросил и принялся за рыболовство. Рыболовство-то ему по уму пришло, полюбил, как отца родного, да с тех пор все и занимался им до самой смерти». <...>

«Ну так расскажи нам, што он видел-то». — «Да много кое-чего. „Пошли, — говорит, — на охоту утром рано на целый день».

Дело-то было осенью, снегу еще не было. Ходим, ходим, и время-то к пабедью движется. Устал, — говорит, — до пропасти. Делать нечего, надо пообедать. Сел под елочку, местечко такое хорошее. После-то обеда ко сну стало клонить. Дай, — говорит, — думаю, поудную. Оружье поставил возле елочки, топор к «оружью» и лег. Только стал засыпать, вдруг слышу, кто-то говорит мне: «Довольно спать, давай ставай скорее, да пойдем на охоту, а то смотри, проспидь все». Я, — говорит, — спугался, вскочил, смотрю, а передо мной стоит сосед Вавила Митрич и будит меня — тоже на охоту ходил. — «Ну-ну, — говорит, — ставай скорее да пойдем». Я встал да и пошел за ним, а топор, оружие да кошель и оставил там, под елочкой, где спал! Уж такое наводнение на меня нашло. Он идет впереди, а он, говорит, — взади, и так шли, шли, я до того устал, што еле-еле, — говорит, — плетусь за ним. «Давай, — говорю, — посидим, поотдохнем. Я ийти больше не могу». — «Иди, иди давай, недалеко осталось ийти до моего пристанища-то. Идем, — говорит, — дальше». Шли-шли, вдруг Вавила Митрич обернулся ко мне и сказал, указав пальцем под толстую-толстую елку, где лежали все его припасы: «Вот где мое пристанище». А я-то и ни к чему, што со мной леший говорит, да и сморозил: «Господи ты, Господи, какая ель-то!» Вдруг, — говорит, — на улице стало так темно-темно, што хоть глаз выколи, не видно. «Вавила Митрич, — говорю, — где ты?» А Вавила Митрич и не говорит, его уже след простыл. «Вот беда-то, — думаю. — Што теперь делать?» Я, — говорит, — стал воскресну молитву читать. Темнота-то была, пожалуй, минут пятнадцать. Как только стал воскресну молитву читать, вдруг и стало светло, а я «очудился» на своей поляны. Пришел домой да, — говорит, — и послал жену к Вавилы Митричу, узнать, был ли он на охоты. Оказалось, што Митрич и с печки-то не слезал никуда. Тут только я, — говорит, — понял, што мне бесеньш показался“». <...> — «Да он, может быть, это такой сон видел?» — сказал Федя. — «Какое тебе сон? Если бы сон, так как бы он домой пришел?» — «Да, это бывает, любит леший подшутить над православными. Ну, а тебе-то самому не приходилось видеть лешаго? Здесь один живет, так ведь и не мудрено повидаться-то с ним», — сказал дядя Тимофей. — «Здесь-то не приходилось видать. Вот когда дома жил, так сподобил Господь повидать его. <...> Ригачником, окаянный, показался». — «А давно ли это было?» — «Давно. Я еще тогда холостым был. У нас много тогда ржи росло. Один раз покойничек-батюшка велел насадить. Я насадил, затопил обои ригачи и пошел домой. Отец говорит мне: „Ну, што, вытопил ли овин?“» — „Затопил“, — говорю. — „Ну, а хорошо топится?“ — „А вот сейчас схожу, посмотрю“. Пришел в овин, открыл дверь — смотрю, а у меня все стены горят. Вот беда, думаю, што теперь делать? Я и давай закрывать двери, што-

бы дымом заглушить огонь. Только стал закрывать, вдруг слышу грубый голос: „Тебе што, ригачи жалко стало? Меня сожгать хочешь? Если тебе жалко и <нрзб> было, так сказал бы мне, я давно бы уже вышел в другую. А ты собрался жгать меня!“ Я так и остолбенел, стою и не знаю, што и делать. Хотел закричать, да и кричать не могу, што в горле сдавило. Силился, силился, никак не мог. Кое-как натужился и побежал. Бежу и слышу, што за мной хто-то бежит. Вот напугался-то, век будет не забыть! Вдруг ко мне навстречу сосед Вавила Митрич. „Чего ты, говорит, бежишь?“ А я и слова проговорить не могу. „Да ну же, говори, чего?“ Я долго не мог заговорить. Горло так и сдавило. Кое-как показал ему овин <нрзб>, он догадался, увидел, што овин горит, и побежал туда, а там уже огонь в гумно пробрался, и гумно горит. Сейчас же собрал народ и стали тушить. Но где потушишь, как огонь выбрался наружу. Так и сгорел овин».

«Да ты не во сне ли это видел?» — спросил товарищ. — «Ну, какое тебе во сне! Наяву видел, вот как вас вижу, так и его видел *своими собственными глазами!*» <...>

«Да, бывает, бывает это!» — подтвердил дядя Тимофей, — «ригачник может показаться. И я, бывало, ригачника видал. О святках показался, окаянный. Ходили мы с девками слухать. И взбрело нам в голову сходить к Науму Михайловичу на берег поленья выбирать.⁴⁴ У него возле ригачи костер дров стоял. Девки да парни все взяли по полену и побежали, а я остался выбирать после всех. Только взял полено, хотел бежать, вдруг вижу, из ригачи выходит большущий-пребольшущий старичина — выше гумна. А шаги-то таки огромнейшие. Я давай бежать, а он идет вслед. Девки да парни все разбежались с испугу. Я как бежу, а назад оглянуться не смею. Еле-еле ушел. На другой день мы ходили на ригачи посмотреть следов, так следища, пожалуй, с аршин будут, и эти следы вышли на дорогу и потерялись. Верно, убег он куда-нибудь, в путешествие пустился. Ух, какой страшный! Ночь-то была лунная, светлая, так я его хорошо высмотрел: борода такая черная, глаза лоскучие (блестящие. — В. Ф.), за спиной котомочка».

В это время вошла в избушку мельника женщина.

«Здорово, Петр Степанович!» — «Здорово, здорово, Авдотьюшка. Садись да хвастай!» — «Нечем хвастать. Вот, приехала на мельничку с рожью, так занята ли мельница? Один мешочек ржицы только и есть. Немного. Сделай милость, смели поскорее». — «Ладно, готов служить тебе. Ну, а как ваш сосед-то, Гермилу Лукич, поживает? Сказывали, он нездоров

⁴⁴ В деревне о святках молодежь ходит выбирать дрова из костра: кому попадет суковатое полено — если барышни, то примечают, что барышня выйдет в этом году замуж, а мужчине — то женится. — Пояснение В. Федоркова.

был?» — «Шибко нездоров, уж 2 дня душу караулит». — «Так што же, у него, верно, душа-то обокралась?», — спросил, усмехаясь, мельник. — «Нет, батюшка, не обокралась, а при смерти беденький лежит, все бредит. Вчера говорил, будто смерть в виде „щилета“ (скелета. — *В. Ф.*) с косою показалась. „У, говорит, какая страшная. Скоро, верно, говорит, помру. Недаром смерть в глаза лезет“». — «А што же, они не обращались ни к какой колдуньи? Может быть, та бы помогла». — «Ходили, батюшка Петр Степанович, ко многим, да ништо не помогает. Верно, уж Богом так суждено ему в молодости помереть. Если бы $\frac{1}{4}$ побольше дать колдуньям денег, так они и принялись бы как следует да и вылечили бы. А то где бедной Марьи деньги-то взять, как сама чуть-чуть кормится, ребятишек целая изба. Если помрет Гермилу Лукич, так уж им, бедным, придется по миру идти с сумочкой — именем Христовым питаться». — «Да, бедные детишки. Ну, ладно, пойдем в мельницу, для тебя постараюсь смолоть поскорее». — «Спасибо, благодетель, на добром слове. Никогда хоть ты меня не задерживаешь». С этими словами они вышли из избышки. «Других остановлю молотье, а твое смелю!», — слышался громкий голос мельника с улицы.

«Дядя Тимофей, когда ты ригачника-то видел, так он не сказал тебе ничего?», — спросил Федя. — «Нет, не сказал». — «Эх, интересно бы повидать когда-нибудь его-то, мне бы», — сказал Федя. — «Ну, не дай Бог. Это ты только здесь так говоришь, как еще ничего не видал, а как увидел бы, тогда другое стал бы глаголить. Ну, да ладно, пора ехать рыбу ловить. Теперь, с полудня, наверно, хорошо будет клевать. Ну-ка, собирайте поскорее». — «Да что собирать? — сказал товарищ, — мы уж давно готовы». — «А готовы, так идите в лодку, а я к мельнику забежу, скажу ему, што к ночи сюда приедем». <...> Мы с Федей, в идании дяди Тимофея, сели в лодку на лавочки. Вдруг мы услышали шелест травы недалеко от нас, на другой стороне речки. Устремив туда свой взгляд, мы через несколько времени заметили на самом берегу речки голову змеи. Она злобно посмотрела на нас и, не долго думая, юркнула в воду. Федя хотел чем-нибудь бросить в нее, но не успел даже схватить в руки весла, как она скрылась в траве уже на другой стороне речки, сажени за две от нас. «Маленько не успели, черт её возьми. А хотелось бы разрыв-траву достать?» — сказал Федя, бросив в лодку весло. В это время к лодке подходил дядя Тимофей.

«Ты чего это, Федя, с веслом заходил?» — спросил он, спихнув лодку. — «Змея сейчас плыла через речку, так хотим разрыв-траву добыть — змею убить». — «Брось ты пустяки городить. Где ты убьешь на воды змею. Да слыхано ли это. Здесь очень гадливое место», — сказал дядя Тимофей, садясь на корму. — «Што-то левый глаз чешется — какая-то радость бу-

дет. Ну, давайте поедem скорее». Вскоре мы выбрались из речки и ехали уже по озеру к тому месту, где были запущены сети. <...>⁴⁵ Федя один взялся грести, а мы с дядей Тимофеем стали тянуть сети. Вытащили первую сеть — ничего нет. Принялись за вторую — ничего не видать. Вдруг что-то стало тянуть вниз, ко дну. Нам стало тяжелее подымать сеть. Дядя Тимофей и говорит: «Верно, колодина задела за сетку. Как бы не разорвать сетей. Надо тянуть тихонько». Когда колодина подходила к лодке, дядя Тимофей посмотрел в воду и проговорил: «Ой-ёй-ёй, какая колодина-то к сетке пристала». Мне стало тяжело удерживать нижнюю веревку сети — чуть-чуть удерживаю. Когда колодина высунулась из воды, дядя Тимофей вскричал радостно: «Ба, да это щука!!!» <...> Федя крикнул ему: «Дядя Тимофей, тащи скорее!». Дядя Тимофей дернул за веревку, и щука ударила о борт лодки головой. Я остолбенел. Товарищ выхватил у меня из рук сети, но тоже ничего не мог сделать. Наконец, дядя Тимофей выхватил у нас нижнюю веревку, к которой привязывали камни, и рванул ее из воды. Щука взбунтовалась и ударила о борт хвостом и, Бог весть, как, перескочила через борт в лодку. Обрадованный дядя Тимофей не знал, что и делать. А щука билась в лодке, запутываясь в сети. Через несколько времени дядя Тимофей схватил весло и давай колотить веслом по щучьей голове. Щука еще сильнее стала биться. Наконец, кое-как он осилил ее. Последняя немного успокоилась, хотя хвостом все еще колотила то о тот, то о другой борт. Дядя посмотрел-посмотрел на нее и сказал: «Пожалуй, пуда 1½ есть. Эдакую колодину Бог послал нам. Не зря у меня сегодня левый глаз чесался». Долго мы любовались щукой, а она все больше и больше путалась в сетях, как будто курица «в отрепах», по выражению дяди Тимофея. «Ишь какая неугомонная, шут ее дери. Ну, да ладно. Надо вытянуть остальные сети». <...> В сетке стали показываться сижок за сижком. Между ними попадались окуни и плотва. Наконец, кончились сети. Пришлось ехать на мельницу распутывать щуку из сетей. <...>⁴⁶ Всю дорогу только и разговоров было, что о щуке. «Мне еще на своем веку не приходилось такого черта выловить. — Первый раз. Ну и щука! На правом боку мох вырос! Вот жирная-то уха будет! Сейчас, как только на мельницу приедем, сразу и будем уху варить. Ну и день сегодня. Да ведь сегодня суббота. Суббота — день щасливый!» — говорил дядя Тимофей. Разговаривая, мы не заметили, как подъехали к знакомой уже нам мельнице. <...> Часа два распутывали щуку из сетей. Наконец, покончили с этим делом. <...> Когда распутали,

⁴⁵ Далее вставка из тетради, озаглавленной «На рыбной ловле. 1915 г. 4 ноября. В. Федорков» (кол. 73, п. 1, № 31, с. 19—22).

⁴⁶ Конец вставки.

то оказалось, что щука схватила сижка, который попал в сеть, а потом и сама запуталась в нее. Дядя Тимофей сходил к мельнику за безменом. Оказалось, что щука весила 1 п<уд> 28 фунтов, да около 2-х пудов было мелкой рыбы. <...> Товарищ пошел в мельничную избушку и, по приказанию дяди Тимофея, мигом согрел чайник (за неимением самовара). Мы с дядей Тимофеем не успели даже сетей перебрать, как он пришел звать пить чай. «Да не оставь же так!» — сказал дядя Тимофей. — «Ну-ка, Федя, помоги скорее перебрать. Да дружнее — вот так». Вскоре у нас уже все было готово. Мы пошли в избушку. Дядя Тимофей шел впереди всех с щукой в руках. Наум Михайлович уже пришел из д. С. и ожидал нас в избушке. «Да это у вас што такое?» — сказал он, когда дядя Тимофей вошел в избушку. — «Рыбина. Аль ты не видишь, ослеп?» — «Вижу, што рыбина, да какая рыбина-то?» — «Какая, — вестимо, щука, кроме щуки какая рыба в нашем озере найдется крупнее, ерш, што ли?» — «Да не водяник ли вам попал в виде щуки?» — сказал Наум Михайлович. — «Ну и щука! Ай да щука! Первый раз такую вижу <...>. Да как же вы такого черта из воды-то вытащили?» — «Да чуть-чуть, братец ты мой, насили подняли», — и дядя Тимофей пустился рассказывать Науму Михайловичу, как мы добыли щуку. Вскоре пришел мельник. — «Ну и щука же вам попала <...>. Как она вас не потопила». — «Ну, что ты, будто уж щука может людей потопить». — «Да ведь в морях есть такая рыба, што корабли топит, вот хоть кита взять, например». — «Ну, кита. Разве может быть в нашем озере кит?» <...> Долго после того, как дядя Тимофей рассказал всю свою историю со щукой, мельник и Наум Михайлович удивлялись, «как это могла такая колодина прильнуть к сетке». У дяди Тимофея было взято на запас невмочь вина. Он угостил Наума Михайловича и себя тут, кстати, не обидел. Мельник отказался, говоря, что от рождения капли хмельного в рот не брал. У Наума Михайловича развязался язык. Тут Федя вспомнил, что Наум Михайлович обещал рассказать, как он лешого видел, и надпомнил ему. Тот, сидя под образом в большом углу, поразгладил свою широкую бороду и начал: «Ага, так, значит, я хотел вам рассказать о том, как я черта видел. Ну, ладно — так и быть, расскажу. Только, чур, не пенять, если вам ночью этот самый черт, которого я видел, приснится во сне. Ну, слушайте же. На Светлой неделе было у меня. Несколько лет тому назад, на рождественских святках, там подошло, што жена моя имянинница была на святой неделе. <...> Я, честь-честью, купил винца, созвал гостей и напоил всех допьяна, да и сам изрядно хлебнул. <...> Гостей-то было много, день выпал праздничный. После угощения бабы по домам разбрелись, а парни да девки колдовать и гадать ушли, а мужички собрались идти в другую деревню еще подбавить, там одна старуха в то время вином торговала. Когда гости раз-

брелись, тут только я спохватился, што сена-то лошадям у меня и нету. А время-то уж около 11 часов ночи. Дай, думаю, съезжу на пожню за сеном, а пожня-то стоит версты за две от деревни, што Ломом называется. А пожня за рекой, в котловине. Возле-то пожни, значит, стоит большущая „щельга“. Я, значит, и поехал. Ну и хорошо. Ночь-то такая лунная, светлая. Морозец выпал. Деревья так все и покрыло инеем. „Да, слава Богу, думаю, о святках иней на деревьях. Значит, будет урожай“. Приехал, значит, на пожню, повалил „заколену“ (стог сена. — *В. Ф.*) и кладу сено на дровни. Только, значит, я положил, охапку сена в сани, отвернулся, смотрю — собачка бегаёт у моих ног. Да такая маленькая, красивенькая. Я и подозвал к себе: „Куть-куть-куть“, — говорю. Она и подошла ко мне, а я стал гладить ю по спинке. Вдруг слышу грубый голос над верхом: „А ты чего мою собачку трогаешь, увезти, верно, хочешь? Смотри, будь поосторожнее!“ Я поднял глаза кверху, смотрю, а передо мной стоит черт, большущий такой, выше щельги. Глаза, как медь — горят, зубы оловянные, рога завитушкой, весь в шерсти, а хвостик сажени три будет, точь-в-точь такой, что на картинке в сказке, ах, забыл название сказки, у ребят дома книжка валяется. Я тут же сразу и упал в обморок, да, слава Богу, перед санями стоял, да и упал-то прямо, значит, в сани. Лошадь спугалась и, значит, побежала. Ды, слава Богу, што умная была — домой увезла. Привезла эдаки домой меня, полумертвого, и стоит у ворот. Жена-то вышла и увидала, што я на дровнях лежу без сена — думала, што я умер, спугалась, бедная. Созвала всех соседей, и стали они меня снегом обтирать. Насилу отводились. Когда очнулся, и понять не могу, што со мной сделалось. Вспоминал, вспоминал, и, наконец, припомнил, што видел черта. Рассказал соседям, так те и не верят. Несклько дней не мог успокоиться и всю жизнь не забыть этого случая <...>. <...>

«Вот и Евлампий — работник Якова Филимоныча, на мельницу приехал, вот поблажить-то с кем можно», — сказал мельник, посмотрев на улицу в окошко. К избушке подъезжал верхом на лошади, запряженной в «воложи» (две длинные жерди. — *В. Ф.*) в дровни, мужчина небольшого роста с коротенькой черной бородкой, лет сорока. На лицо он, хотя и некрасив был, но любил пофорсить. На себе у него был старенький расстегнутый пиджачек, из-под которого виднелся старый, поношенный жилет. От кармана жилета болталась небольшая серебряная цепочка от часов. Ев<лампис> Сем<енович> был глуповатым и служил в работниках у Якова Филимонова за очень скудную плату, да, впрочем, ему больше бы никто и не дал. Подвязав лошадь к столбу, он вошел в избушку.

«Здорово, здорово, Петр Степанович», — сказал он, перекрестясь несколько раз у порога. — «Здорово-здорово, Евлампий Семенович. Как ты поживаешь? Кого к сердцу прижимаешь?» —

сказал ему в ответ мельник. — «Кого станешь прижимать, как старуха ушла и разводную взяла, а девки все от меня бежат, как будто сито я им такое худое сделал». — «Верно уж чем-нибудь не угодил им», — подхватил Наум Михайлович. — «Ты, будто как говорили, што ходил в город к купцам получать долги, а ты уже и дома?» — «Я ходил-то давно, еще до „Ильину дни“, да не получил ничего. Говорят, о новом годе приди, теперь денег нет. Сходил-то даром в город, сапоги стоптал, да к тому же под грозу попал, што об Ильину дни была. Чуть на тот свет не попал». — «Так как же ты жив-то остался?» — «Ну, как жив остался? По-хорошему. Шел я эдак по ржаному полю, вижу — а гроза тут. В то время, как гроза-то стала начинаться, я шел по ржаному полю, 2 версты не доходя до деревни. Как только гром-то первый раз грянул, я в рожь и завалился. Лежу себе и думаю: „Што-то будет, если стрела в меня ударит. Пожалуй, убьет“. Только подумал эдак, смотрю, а мне стрела-то прямо летит в лоб. Меня этой стрелой и убило. Только прошла гроза, я и давай вставать на березу. На самую верхушку встал да и воскреснул. Ну, думаю, слава Богу, жив опять. А рана-то на лбу так и осталась. Теперь, хоть и зажила немножко, да ямка-то на том месте осталась порядочная». — «О, да у тебя, друг, и часы на вороте. Я еще первый раз вижу, верно, в городе купил», — спросил Наум Михайлович у Евлампия Семеновича. — «Да, в городе, в городе». — «А какие они есть?» — «Серебряные под золотом», — сказал спокойно Евлампий Сем<енович>, ожидая, што Наум Михайлович будет хвалить их. — «Што же, вместе с золотом лежали, так золота потряслось в них? Ну-ка, посмотри, сколько времени?» — сказал Наум Ми<хайлович>. — «Сейчас посмотрим. Раз, два, три, четыре, пять, шесть», — сказал Евл<ампий> Сем<енович>, поведив пальцем по циферблату и посмотрев на солнце в окно. — «Дружище, чего ты на солнце-то смотришь? Аль у тебя часы-то стоят? Ну-ка, покажи». Тот подал Науму Мих<айловичу> свои часы. — «И впрямь стоят. Так оно и есть». — «Да ты стряхни их — они пойдут». — «А, дружище, так ты часы-то носишь для красоты, штобы девки любили, а время узнаешь по солнцу? Ну, брат, это не часы, как кнут для них нужно носить с собой. А с чем ты приехал, Евла<мпий> Семенович?» — спросил у него мельник. — «С рожью, Петр Степ<анович>, с рожью. Не можешь ли как-нибудь поскорее смолоть». — «А вот, сейчас схожу в мельницу, посмотрю, может быть, Наума Михайловича уже смолось, так и твою начну». — «Ну вот, спасибо на добром слове». — «Коня-то ты выпряги да подвяжи тут на веревку, пусть он траву ест». — «Евлампий Семенович, один стаканчик чаю выкушай, мы сейчас только кончили, так горячее еще». — «Нет уж, спасибо. Я не хочу. А вот што, Петр Степанович, до тебя еще одна просьба. Я минутки без работы жить не могу. А времени-то сво-

бодного много будет. Скучно так сидеть. А вот я видел у тебя тут, возле мельницы, костер дров стоит, так дай, я его разрою да снова складу. Я без работы жить не могу. Все што-нибудь да надо работать». — «Ну, поди, поди, разрой, да только лучше склады». — «Постараюсь, батюшка Петр Степанович. Вот благодетель-то, вечно буду Бога молить», — с этими словами Евлампий Семенович вышел на улицу, а за ним мельник. Евлампий Семенович живо выпряг своего коня, привязал на веревку к столбу, а сам пошел разрывать костер. — «Ну и чудак же этот Евлампий Семенович». Прямо-таки удержаться не могу от смеху, а он все смешит да смешит».

Вдруг послышался голос мельника на улице: «Эй, Евлампий Семенович, носи рожь в мельницу». Через несколько времени вошел в избушку мельник и сказал: «Наум Михайлович, твоя рожь готова». — «Ну так, и прощайте, — сказал нам Наум Михайлович, — надо ехать домой». <...> Наум Михайлович, выйдя из избушки, стал таскать в лодку мешки с мукой. Вскоре послышался стук дров и насвистывание какой-то песни нашего трудника — Евлампия Семеновича. Дядя Тимофей отрубил хвостик шуки и велел Феде варить уху. «Дядя Тимофей, давно ли этот Евлампий Семенович глупый сделался?» — спросил Федя, раскладывая огонь. — «Да как бы тебе сказать, лет десять тому назад». — «Отчего же он сделался таким глупым?» — «Все это дело рук его тещи. Когда женился, жена с первого дня стала его ненавидеть, да и действительно он не красив, не за што и любить. Ну вот после того как жена невзлюбила, стала жаловаться матери, што он бьет ю. А та дура и поверила. Так-то разойтись стыдно было, да и боялись, верно, што люди будут судить да рядить, и вот нашли они способ глупым его сделать. Сходили к какой-то колдуньи, дали ей денег, а та, глупая голова, и научила, как это сделать: взять от мертвого „пересады“ и дать ему выпить вместе с чаем. Они так и сделали. С того уж он и спортился, а потом жена взяла разводную и перешла жить к матери, а он пошел шляться по работникам». — «Почему это его в сумасшедший дом не увезли?» — «Кто его повезет? Кому есть дело, да ведь он и не буянит, нужды нет везти. Ну, Федя, ты тут вари уху, а я пойду помогу Науму Михайловичу выносить мешки с мукой». С этими словами дядя Тимофей вышел на улицу.

Я тоже вышел осмотреть окрестности мельниц. <...> Мельница... почти вся была в земле; только один верхний этаж... выделялся на поверхности земли. <...> Я зашел в нижний этаж. <...> Шум воды сливался со стуком мельничных колес <...>, даже на расстоянии 3 шагов я не мог расслышать слов мельника.⁴⁷ Последний был мужчина лет сорока среднего роста с ры-

⁴⁷ Далее запись датирована 4—5 февраля 1916 г.

жей небольшой бородкой. Он был в длинной красной рубахе, побелевшей от мучной пыли, в высоких белых сапогах. Русые его волосы были острижены в скобку. Излюбленная деревенская прическа «рядником» была исполнена добросовестно и содержима в исправности. Он возился около мешка муки и что-то многое бормотал мне, но я не мог ничего расслышать, хотя по губам его понял, что он спрашивал, не молоть ли чего я приехал, и сразу же ответил отрицательно. <...> Через несколько времени мельник перестал возиться с мешком и поднялся по узкой лестницы в верхний этаж. <...> Недалеко от входных дверей лежал большущий кремнистый камень, а возле него — молот. Мельник спокойно, с важной осанкой, взял в руки молот и, не торопясь, стал им отбивать камень, вероятно, делая из него жернов. Оттуда я вышел на улицу. От мельницы вверх вела каменная дорога, в телеге по которой не было возможности проехать. <...> У входа в избушку навстречу мне попал дядя Тимофей: собрался искать меня.⁴⁸ <...> Мельник и Федя сидели уже за столом. Евлампий Семенович, покончивший с укладкой костра, сидел тоже в избушке. «Ну, Евлампий Семенович, садись ухи хлебать», — сказал дядя Тимофей. — «Нет, спасибо, я щуки не ем, потому што она произошла от гада и „клеск“-го (чешуя. — В. Ф.) у ней такой же, как у гада». <...> С этими словами он вышел.

«Ну и уха!» — сказал мельник, покушав. — «Ай да уха! Первый раз в жизни удостоил Господь такой ухи покушать.⁴⁹ Редкостная щука! Эту бы щуку да в Питер бы свезти да какому-нибудь барину продать — эх денег бы дал! Опьянеть бы в деньгах можно было». — «Да можно бы, можно. Там за какую-нибудь мелкую гниль и берут в десять раз дороже, чем в деревни. А здесь вся идет за бесценок, да и то сбыть некому. Если только снести телеграфноту или купцу какому, да и те сначала в затылке почешут, подумают, взять или не взять. А когда решат, так еще подумают, сколько дать да и предложат самую пустяжную цену. Знают, што окромя их некуда сбыть. Бывало, эдак же выудил я окуня в три с половиной фунта». — «А и дядька же тоже был, если 3½ фунта. Ай да окунь! Да и рыба же на тебя как идет. Ты уж, верно, слова какие знаешь». — «Ну, какие тебе слова. И всего-то навсего один такой окунь в жизни клонул, ды уж и слова. Один-то может и без слов клонуть. Выудил эдак — обрадовался — ну, думаю, снесу телеграфному барину, кучу денег даст. Сразу же в тот день и понес. Принес к нему, предлагаю, а он и говорит: „Если по гривеннику возьмешь за фунт, так давай сюда. Мне все равно, у кого хочешь покупать“. Я слова проговорить ему на это не мог, а плюнул да и пошел от него дальше. Дома да-

⁴⁸ Далее запись датирована 8 февраля.

⁴⁹ Далее запись датирована 9 февраля.

вали по 15 к<опеек>, а туда тащил, тащил 30 верст до кровавого поту, — торопился, штобы окунь-то не скиснул, а он — по гривеннику предлагает. Снес Осипу Ивановичу — по 28 к<опеек> дал и слова даже против не сказал. „Спасибо, — говорит, — што принес такого окуня“. Так вот, ты скажешь, какие невежи эти бары-то». — «Да ведь и бары-то всякие бывают, разные они бывают.⁵⁰ Жалованья большие получают, так заносятся, думают, што мужики будут уважать, как высоких людей — образованных. Да не все мужики-то таковы».

<...> После ужина мельник отвел нам место для ночлега — угол, знакомый уже нам, заваленный сеном. Мы выносили из лодки в избушку все, что было взято с собой из дому, и легли спать. <...> На другой день дядя Тимофей встал с солнцем и разбудил нас. <...>⁵¹ Чайник уже стоял готовый на столе. <...> «Ну-ну, собирайтесь-одевайтесь скорее, да садитесь пить чай. Надо ехать скорее рыбы ловить: она в это время хорошо клюет». Вскоре и мельник проснулся. «Ставай, ставай скорее, Петр Степанович, чайку с нами за компанию кушать». — «Чайку-то — ни худа, да тяжеленько вставать такую рань. Старость — не радость. Всяко место так и ломит». — «Ставай, ставай, а то сейчас за ноги вытащу с угла». — «Ну, коли на то дело пошло, так я и сам выстану. А раненько ты сегодня поднялся», — проговорил, кряхтя и вставая, мельник. — «Да, примеру св<ятых> отцов надо следовать. Вот хоть взять Варлама Футинского, што память на первой неделе Петрова поста празднуют. Он всегда до солнца вставал», — оправдывал дядя Тимофей себя. — «Так говорят, за то, что рано вставал Варламей, его на суд за это потребовали в Новгород», — добавил мельник. — «Да, да, пришлось съездить. Да как еще и ездил-то, — летом на санях», — добавил дядя Тимофей. — «Дядя Тимофей, за что же его судили?» — спросил Федя. — «Как это за за што? За то, што до солнца вставал!» — ответил дядя Тимофей. — «Да как же узнали в Новгороде, что он до солнца встает?» — «Найдутся лихие люди донести. Много их есть, было и будет. Какой-то боярин жалобу подал. Жили они в одной деревне с боярином. Варламей-то Футинской встанет да и рубит дрова под окном: боярину спать не давал. Ну вот, тот и подал в суд. Через несколько времени получает Варламей Футинской повестку, што на такое-то число нужно явиться на суд в Новгород по делу обвинения боярином в том, што де беспокоит в каждое утро до показанного времени. Делать нечего, надо явиться на суде. „Вот што, дружок, — сказал Варламей послу с Новгорода, который повестку принес, — теперь распута, ехать худо, а я лучше приеду на санях по первой неделе Петрова

⁵⁰ Далее запись датирована 10 февраля.

⁵¹ Далее запись датирована 16 февраля.

поста в пятницу. Так скажи боярину да и судье“. Тем пока дело и кончилось. „Как это на санях Варлаамий поедет в пятницу на первой неделе Петрова поста?“, — подумал боярин, когда ему объявил это посол. Чтобы не прозевать суда, боярин выехал из дому в понедельник на 1-ой неделе Петрова поста в своем любимом легковом тарантасике, а Варлаамий остался дожидаться снегу. Вдруг ночью с понедельника на вторник выпал снег, да такой большой, што на санях можно ехать. Варлаамий собрался ехать во вторник на санях. Он с собой взял и своего слугу. Боярину-то тяжело стало ехать в телеге по снегу. А у Варлаамия кони бежат всю дорогу и ног под собой не слышат. Сам-то Варлаамий поехал на вороной лошади, а слуга его на белой. На постоялом дворе догнали боярина со своим извозчиком. Те ужинали. Варлаамий со своим слугой убрали на двор лошадей, дали им сена и расположились ночевать на постоялом дворе. А боярин-то поужинал, да, штобы не прозевать суда, и поехал дальше после ужина ночью. А Варлаамий со слугой легли спать. Утром они встали до восхода солнца. Слуга Варлаама вышел посмотреть коней и увидел, што у обеих лошадей головы отрублены. Он испугался и побежал скорее к своему господину доложить о таком несчастье. Пришел к своему господину да и говорит со слезами на глазах: „Дорогой Господин, што мы теперь будем делать? Боярин-то вчера головы отрубил у наших лошадей!“ — „Есть нужда плакать о таких пустяках. Иди скорее, приклади головы, они и приростут снова“. Слуга побежал скорее да второпях и приложил к белой лошади черную голову, а к вороной лошади — белую голову; они так и приросли. Поехали дальше. Только выехали в лесок, вдруг птички запели. Варлаам и говорит: „Ну, птички, летите на суд в Новгород“. Птички и полетели вслед. Едут дальше. Бежит волк через дорогу: „А, друг, и ты до восхода солнца встаешь. Бежи на суд в Новгород“. И волк побежал вслед. Таким образом он собрал всех зверей и едет в Новгород, а звери вслед идут. В Новгороде Варлаам остановился в гостинице. Зверей столько в Новгород за ним набралось, што в городе проходу не было. На другой день в пятницу пошел Варлаам к судье, а за ним на суд и все звери. Боярин уже был там. Когда Варлаам зашел к судье, так весь дом, в котором судили, наполнился зверями, и на улице осталось еще много.⁵² Варлаам подошел к судье да и говорит: „Вы обвинили меня в том, что я рано встаю, и вызвали на суд. И вот, когда я ехал сюда, заметил, што все животные и птицы тоже встают до солнца. Вот я им и велел тоже на суд явиться. Судите и их, <господин> судья“. Судья удивился мудрости Варлаама и оправдал его, а потом спросил у него, почему именно он обещался приехать на 1-й неделе Петрова поста в пятницу, и как он узнал, што в это

⁵² Далее запись датирована 17 февраля.

время выпадет снег? Тогда Варлаам ответил: „Как это я узнал, только Богу да мне известно, сходите лучше в поле и посмотрите, што в земле творится — тогда сами узнаете“. Судья заинтересовался этим вопросом и велел посмотреть, что в земле творится. Как только слуги его стали в поле копать для пробы на полосе ямку, увидели, што там червей в земле так видимо-невидимо, так слоем и лежат: всю бы озимь съели. Тут только судья понял, што Варлаам святой человек, и што это все было Богом так сделано. Обрадовался, што по Варлааму судил. А то ведь судил бы против святого человека, так добра бы не было. Рублевою свечку поставил Спасителю за то, што Он помог судить по Варлааму». — «Да, это верно!» — сказал мельник. — «Так старые люди все говорят. Вот поэтому-то и празднуют в пятницу на 1-й неделе Петрова поста, што суд ему в этот день был». — «Дядя Тимофей, где же жил Варлаам?» — спросил Федя. — «А Бог его знает, я не слыхал. Говорят, што несколько времени был в Париже и оттуда по морю, где он есть? В Англии, што ли?» — «Нет, во Франции», — поправил товарищ. — «Ну, хоть во Франции, так вот оттуда он приплыл на камне в Олонецку губ<ернию> и остановился на Суне-реке (Петрозаводск<ого> уезда. — *В. Ф.*). Камень еще и до сих пор существует, плоский такой, как плот». — «Дядя Тимофей, тебе приходилось ли бывать у этого камня, видал ли его?» — «Нет, не доводилось, так он далековато от дороги отстоит. <...>⁵³ Вот Петр Степанович — человек старый, бывалый, <...> так, наверно, и у этого камня бывал». — «Какое бывал! Разве есть время ходить по святым местам рабочему человеку. Кроме „Иванова“ нигде не пришлось побывать. Хотя они („Иваны“) и близко, нечего Бога гневить, да и то с большим трудом сходил. Времени свободного нет».

Теперь не лишним было бы упомянуть о том, что такое «Иваны». Недалеко, версты за 2 от К... погоста есть небольшая деревянная часовенка. Находится она посреди мелкого леса и обнесена несколько лет тому каменным забором. Внутри этой часовенки есть небольшой родничок, для которого в полу сделана прорезь и небольшие ступеньки. Вода в родничке такая светлая, что многие, посещавшие этот родничок, даже не замечали ее (бывали такие случаи. — *В. Ф.*) и потом говорили, что грешным вода не показывается. Возле родничка есть железный ящик «казенка», как зовут его крестьяне, куда посетители жертвуют деньги, впрочем, мало туда спускают, все больше бросают на дно родника. Посетителей, особенно летом, бывает очень много, верст за 60—70 приходят «обдаться» святой водой. Возле часовенки лесок, хоть и мелкий, но густой, способствующий укрываться при обдавании. Святым это место считается потому, что

⁵³ Далее запись датирована 18 февраля.

существует предание такого рода: «В старину в нашей местности жили беглые польские паны, а возле этой часовенки жили 3 святых Ивана. Они долго укрывались от поляков, но впоследствии польским панам удалось поймать святых Иванов. Они сразу же, как только поймали, и замучили до смерти, а тела их бросили на то место, где теперь часовенка, без всякого погребения. Местные жители тайком от поляков похоронили св. Иванов, и через несколько времени на том месте, где были они похоронены, образовался небольшой родничок с чистой водой. Когда поляки были высланы в другие места, крестьяне построили на том месте небольшую часовенку и стали посещать её частенько, и светлой водой ее обдаваться, чтобы очиститься от всех дурных греховных мыслей. Кому не удастся посетить, тому родные и знакомые на дом приносят воды в бутылочках, особенно маленьким детям и больным».

<...> «Ну, да как у Иванов не побывать за 15 в<ерст>, так какой ты христианин будешь. Я почти в каждый год посещаю», — сказал в ответ мельнику дядя Тимофей. — «Сходишь, оно как-то и легче будет. Как будто какая обуза с плеч свалится». <...>⁵⁴

«Дядя Тимофей, надо скорее ехать удить. Пора. А то с разговорами прозеваем самое лучшее время». — «Я готов, — ответил дядя Тимофей. — Идите, собирайте в лодку все. А я допью стакан и марш!» <...> Мы с Федей пошли в лодку, захватив с собой часть наших припасов. <...>⁵⁵ <...> Дядя Тимофей чинно уселся на корму и проговорил: «Время-то хорошее, самое клевное; будет или нет клевать рыба. Что-то кончик носа чешется — будет покойник на нашей деревне. Кто у нас есть больной-то?» — «Да И. Кулявый уже 2-й месяц лежит, так если тот, а то больше некому», — ответил Федя. — «Ну, так представился раб Божий — дай ему, Господи, Царство Небесное!» — сказал с уверенностью дядя Тимофей. — «Дядя Тимофей, да может быть, твой нос врет?» — «Ну, какое врет? Разве в первый раз-то?»⁵⁶ Бывало, когда в Турецкую войну жили мы в Питери, так вот тоже у меня нос зачесался. Ну, думаю, кто-нибудь дома помер. И как ты думаешь, через две недели получаю письмо, что в тот самый день, в который нос чесался, младший брат Богу душу отдал.⁵⁷ Уж это испокон веку так ведется».

Через несколько времени мы очутились у хвойника. «Ну, Федя, можешь ли опустить в воду якорь?» — «Могу-могу». — «Ну, опусти, да потихоньку, не оборони сам в воду. Ну, чур, теперь сидеть тише, чтобы слышно было, как муха пролетит».

⁵⁴ Далее запись датирована 19 февраля.

⁵⁵ Далее запись датирована 22 февраля.

⁵⁶ Далее запись датирована 23 февраля.

⁵⁷ Далее запись датирована 24 февраля.

<...>⁵⁸ Туман хотя и стал понемногу рассеиваться, но все-таки было прохладно. <...> Нам пришлось в своих летних костюмах покупать за бесценок дрожжи, как выразился дядя Тимофей. Дядя Тимофей <...> заметил, что на нас стал действовать «утренник», <...> и сказал с сожалением: «Эх, народ, народ, — какой недогадливый. Ложитесь спать туда, в нос, да окройтесь чем-нибудь там в носу». <...> К счастью, дяде Тимофею рыба попадалась очень плохо. Подождав немного времени, он сказал нам: «Ну-ка, грейтесь — садитесь в весла». Товарищ вытащил якорь, и мы поехали к другому хвойнику. «Ну и день же сегодня вышел. Десяток малявок только выудили. Недаром сегодня пятница. <...> Пятница — самый несчастливый день недели», — сердился дядя Тимофей. — Недаром сегодня ночью сны все такие противные в глаза лезли. <...> Ну, зайдем еще к одной, если уж там ничего, так придется домой ехать».

У другого хвойника мы пробыли почти до полудня. <...> Слегка повеял южный ветерок. «Ну, слава Богу, — улыбнулся дядя Тимофей, — „поветерь“ заваяла».

К полудню рыба совсем перестала клевать, и нам пришлось ехать домой. «Да, мало, мало на этот раз, — рассуждал дорогой дядя Тимофей. — Что еще в сетке будет, а здесь совсем мало». К радости дяди Тимофея, в сетку столько «пальнуло» мелюзги, что пропасть, по выражению дяди Тимофея. <...> Вскоре мы уже были опять в мельнице, и перед нами на плите очутился чайник, поставленный Федей. После чая дядя Тимофей принес рыбы из лодки для мельника, распростился с ним, поблагодарил за ночлег, и мы поехали домой. К счастью, развеялся попутный ветер. Дядя Тимофей поставил парус и спросил у Федей: «Федя, ты править-то умеешь?» — «Умею, умею». — «Ну так возьми весло да потрудишься немного за меня. Мне што-то спать захотелось, так я немного того... поотдохну». С этими словами дядя Тимофей лег на середину лодки и с таким аппетитом заснул, что даже не слышал, как бабы в лесу горланили свои деревенские песни. Он проснулся только тогда, когда мы подъезжали к своему полю. «О, да мы уже у Никоновой гибели? — сказал он, подняв голову и посмотрев по направлению к берегу. — Скоро же нас притащило». — «Дядя Тимофей, про какую это ты Никонову гибель говоришь?» — спросил Федя. — «Так ты еще и Никоновой гибели не слыхал? Вот видишь, там недалеко от берега трестички. Так вот, возле этой трестички по озерную сторону есть „луда“ (груда подводных кам<ней>). Давно-давно жил, бывало, в нашей деревне пастух кореляк по имени Никон. Хороший пастух был и отпуски хорошие знал. Бывало, как весной отпустит скотинку в лес, да сам и не ход<ил> никогда за ней: все сама скотинка домой при-

⁵⁸ Далее запись датирована 26 февраля.

ходила. А он в это время и работал что-нибудь. А в ту пору все дешевое такое было, бывало, за пятак целые дни работали мужики. Вот один раз взялся он у дедушки Наума Мих<айловича> за пятак плот дров приплавить из лесу. Вот он эдак утром раненько уехал вот сюда на бор, нарубил до обеда дров, а с обеда сплотил и едет домой. А этой-то луды он совсем и не знал, да как-то нечаянно и заехал с плотом на эту луду. Заехал и сидит себе — ни взад, ни вперед нельзя. Вот беда, што делать. Ничего такого придумать не может. Дай, думает, загину (*<нрзб>* заплачу), может, кто на крик и придет, выручит из беды. Загинул, а моя-то покойница бабушка, царствие ей небе<сное>, ягоды тут возле по бору собирала и услышала, што он ревит. „Чего ты, Никонка, реवेशь-то так?“ — спрашивает она. „Да как же мне не реветь: на луду плот запал — пятачок из-за этого пропадает“. — „Поезжай ты, поезжай, Никон, домой. Да<к> я лучше тебе свой пятачок заплачу, а ты брось-оставь тут плот-то“. Никон так и сделал, уехал домой, а бабушка и отдала ему свой пятак. На другой день витрина страшный разыгрался, и плот с камней сбило. Никон переплавил и другой пятачок получил. А луда эта после него так и назы<вают> — Никонова гибель».

«Дядя Тимофей, а долго ли после этого Никон жил у нас в пастухах?» — «Да как бы тебе сказать, — и году не жил, в ту же осень и вышел». — «А почему же он вышел?» — «Дело такое вышло, што пришлось ему покинуть нас. Один раз осенью коровы долго домой не приходили. Одна соседка и собралась итти искать. Только вышла за поле — видит: черт гонит коров домой. Уж, видно, отпуск у него такой действительный был. Чертина такой большущий, выше лесу рога такие большие. Молодухато испугалась, да и давай домой бежать, а черту-то это невзлюбилось: как хватит ея корову за шею, да так сразу и придавил. Ну вот как узнал об этом Никон, да и говорит: „Зачем ты пошла за коровой без моего дозволения? Я больше у вас не могу служить“. И ушел». — «Так разве он с чертями знался?» — спросил Федя. — «Ну как же пастуху быть-то без этого? Знался-знался, бывало, и мне хотел показать чертеняток, да я не посмел идти. Говорит, нужно только черту задать самую трудную работу, и тогда он не тронет человека. А самая трудная работа — это плести из песку веревку. Он мне много раз говорил: „Пойдем, поставим веревку из песку плести, и он не тронет нас“. Но все-таки страшновато иттить-то было. Так и не удалось повидать с ним бисенка-то. Што глаза так и слипаются — спать охота». И дядя Тимофей опять заснул богатырским сном и до дому больше не просыпался, да, наверно, если бы Федя не разбудил, он проспал бы в лодке до самого вечера.

Дядя Тимофей не ошибся: в тот же день скончался Кулявин...